

СИМВОЛИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Рахимова Гулфия Рустамовна

Национальный университет Узбекистана,

факультет зарубежной филологии

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6621994>

В статье рассматриваются закономерности символизации цвета во французском, русском и узбекском языках, черты их сходства и различия в связи с выражением положительных и отрицательных эмоций, затрагивается вопрос о цветовых триадах.

Одним из аспектов исследования колористической лексики является изучение эмотивного восприятия различных цветов носителями разных языков [2; 6; 10]. Следует подчеркнуть, что сам факт эмотивного восприятия цветов является неоспоримым, однако ряд случаев, связанных с появлением положительного или отрицательного эмоционального тона ощущений (в частности, при восприятии различных по качеству цветов), трудно оценить с точки зрения полезности или вредности действующего раздражителя.

Так, О. Леманн отмечал, что жёлтый цвет вызывает веселое настроение (а Н. Н. Ланге добавляет сюда красный с оранжевым), голубой цвет приятен, но холоден, зеленый цвет успокаивает, а фиолетовый вызывает меланхолию, цвета чистые и яркие нравятся, а цвета бледные и «грязные» вызывают неудовольствие.

Однако на физические параметры цвета у человека определенного социума накладывается сетка культурного восприятия, что подтверждает огромную роль языковой картины мира (ЯКМ) в цветовом восприятии мира. Следует особо подчеркнуть, что эмоциональное воздействие цвета может осуществляться через категорию эстетического, что тесно связано с символикой цвета. В данном аспекте существенной представляется нам полемика между А. Вежбицкой и В.И. Шаховским по проблеме универсальности / этническом своеобразии духовности человека:

«А. Вежбицкая в ряде своих работ выдвигает и обосновывает гипотезу о существовании универсальных культурных концептов человечества, которые она определяет как алфавит ментальных атомов (семантических примитивов). Благодаря этому специфическому алфавиту обеспечивается межъязыковая коммуникация в различных формах. С этим утверждением спорить нельзя. Что же касается ее мнения о тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов,

равно как и ее утверждения о духовном единстве человечества, то с этим трудно согласиться.

Если осмыслить особенности эмоционального восприятия мира представителями разных национальных культур (фактов и событий), можно заметить не только параллели, но и довольно резкие контрасты, не позволяющие признать тезис о духовном единстве всего человечества или отдельно взятой страны» [9, с. 95]. И сопоставительное изучение цветообозначений, и сравнение вербального представления эмоций во французском, русском и узбекском языках позволяют нам присоединиться к точке зрения В.И. Шаховского.

Эмоции издавна изучаются представителями самых разных наук: философии, психологии, физиологии, когнитологии, а также лингвистики, однако для лингвистов актуально прежде всего изучение связи эмоций как факта внутренней, психической и духовной жизни человека и их вербализации, словесного выражения. По мнению В.И. Шаховского, «эмоции являются таксоном культуры, и их представление в различных культурах не всегда совпадает по форме, объему и качеству извлекаемых смыслов. Эти знания составляют субкомпетенцию общей коммуникативной компетенции и оказывают существенное влияние на особенности коммуникации с представителями разных культурных сообществ <...> Осознание различий между таксонами эмоций своей и чужой культуры способствует формированию особой памяти – памяти эмоциональных личностей» [9, с. 92-95].

Исследования на стыке колористической и эмоциональной лексики имеет в лингвистике уже определенную сложившуюся традицию, они связаны с ассоциативными экспериментами между цветом и эмоциями. Интерес к ассоциациям зародился ещё в древности, но в настоящее время ассоциативные эксперименты стали особенно актуальны в русле психолингвистических исследований.

Важным свойством восприятия цвета является его символизация, которая обычно складывается исторически. На физические параметры цвета у человека определенного социума накладывается сетка культурного восприятия, что еще раз подтверждает огромную роль «цветовой картины мира». Сами по себе цвета спектра как физическое явление не содержат оценочного момента, но их сочетания могут быть благоприятными или неприятными для глаз, подобно сочетаниям звуков, причем история живописи разных этносов и культур демонстрирует и

разное отношение к сочетаемости цветов, и разные достижения в этой области.

Мы исходим из гипотезы о преимущественно символической, а не физиологической связи определенного цвета и эмоций, причем эта символика в разных языках может совпадать или различаться (при этом возможность чисто физиологического воздействия цвета на определенного человека в определенное время не отрицается, так как обычно, наряду с национальными колористическими триадами, у каждого индивида существует свой набор любимых и нелюбимых цветов). Например, у китайцев символом покоя и гармонии являются зеленый дракон и белый тигр. Учитывая, что во французском языке белый цвет связан со множеством негативных ассоциаций, можно предположить, что белый цвет не будет избран носителями французского языка для выражения гармонии, покоя, положительных эмоций.

Ситуация с количеством эмоций и именами эмоций аналогична ситуации с количеством оттенков цветов и количеством цветообозначений, и в этом плане еще раз следует подчеркнуть роль языка в осознаваемости эмоций и эмоциональных переживаний: для рядового носителя языка реально то, что получило словесное выражение.

В.И. Шаховский обращает внимание на то, что эмоции редко выражаются каким-то единственным способом, чаще они реализуются пучком (т.е. кластерно), например, группа гнева включает в себя неудовольствие, раздражение, возмущение, ненависть, негодование, ярость, бешенство. Вычленяются и такие кластеры эмоций, как радость, печаль, страх и др. Специфичным признаком системности при категоризации эмоций является их бивалентность: любовь и ненависть, скорбь и ликование могут овладеть человеком одновременно, что подтверждается немалым количеством примеров, представленных в коммуникации. Полярность соотношения эмоций по типу оценочного знака (положительные / отрицательные) получает отражение в лексической системе языка как в сфере номинации эмоций (любовь / ненависть), так и в сфере их выражения (замечательный / отвратительный). Очевидно, это и является источником разных (и даже противоположных) типов символизации эмоций в разных языках (а иногда и в одном языке).

Так, французские фразеологизмы с компонентом blanc – белый и noir – черный выражают как отрицательные, так и положительные эмоции. Так, например, белый во французском языке может служить усилению

негативной коннотации имен эмоций: *colère blanche* – ярость, *jalousie blanche* – слепая ревность, *peur blanche* – смертельный страх, ужас.

В следующих примерах белый цвет сам служит передачи эмоций страха, гнева, бешенства: *voix blanche* – глухой, беззвучный голос от страха, гнева, *mal blanc* – флегмона, страшилище, мордоворот, *chauffer à blanc* – доводить до белого каления.

Исследуя фразеологизмы с компонентом *noir*, мы выявили во французском языке тенденцию передачи черным цветом негативных эмоций и явлений: *bête noir* – самое ненавистное, предмет особой ненависти и отвращения, злой гений, *humeurs noires* – приступы черной меланхолии, *humeur noir* – черный юмор, *mélancolie* – черная меланхолия, *rapillons noirs* – черные мысли, *peur noire* – панический страх, *point noir* – опасное место на дороге, трудность, *soleil noir* – черное солнце (библ.), символ отчаяния и конца, *avoir des idées noires* – быть в меланхолии, в мрачном настроении, *n'être pas noir de rire* (канад.) – бояться, *être dans une dèche noire* – бедствовать, *dragons noirs* – неотвязные черные мысли, *le noir ravage* – берег Стикса, царство смерти, *le noir séjour* – ад, *le trou noir* – безнадежность, безысходность.

Белый цвет передает такие положительные эмоции как воодушевление, волнение, радость, однако подобных фразеологизмов не очень много: *être blanc* – побледнеть от волнения, *marquer de blanc* – отметить как радостное событие, *monter le blanc en neige* – взбодрить, воодушевить.

Через семантику «черного» может быть выражена степень эмоционального напряжения: *avoir un fun noir* – сильно веселиться, получать огромное удовольствие.

Передача через понятие белого цвета не только положительных, но и отрицательных эмоций составляет специфическую черту французской языковой картины мира, особенно по сравнению с узбекским языком, в котором данный цвет обычно связан с положительными эмоциями.

При лингвистическом описании эмоций, на наш взгляд, их экстралингвистическая сущность (положительные/ отрицательные, конструктивные/неконструктивные, напряженные/ненапряженные, длительные/ недлительные и т.д.) не должна игнорироваться, однако следует учитывать трансформацию реальной эмоциональной сферы личности через сложившиеся модели в каждом языке модели выражения эмотивности.

Сами лексемы эмоция, чувство, сочетание эмоциональное состояние представляют собой своеобразные имена выделенного М.И.Лазариди ономаσιологического поля, имеющего сложную структуру. В состав этого поля нами включены:

- ☐ общие наименования эмоций (чувство, страсть, волнение);
 - ☐ наименования нейтрального эмоционального состояния (апатия, безразличие, покой, умиротворение, равнодушие) как своеобразные «нулевые» состояния, имеющие, однако положительные (покой, умиротворение) или отрицательные (три остальные лексемы) оценочные индексы;
 - ☐ наименования положительного эмоционального состояния (радость, блаженство, восторг, любовь, нежность, воодушевление, жалость, умиление, азарт, вдохновение);
 - ☐ наименования отрицательного эмоционального состояния (гнев, страх, тоска, страдание, зависть, ненависть, ярость, грусть, злость, ревность, стыд, агрессия, умиротворение, отчаяние, отвращение, подавленность, уныние, смущение, смятение, возмущение, бешенство, обида, боязнь, печаль, скорбь, ужас, испуг, азарт, апатия, беспокойство, вдохновение, горечь, досада, злость, скука, раздражение, уныние);
- наименования эмоциональных состояний «интеллектуальной окраски»: удивление, изумление.

«Не следует думать, что в общем реестре человеческих эмоций положительные эмоциональные состояния имеют меньший удельный вес. Видимо, большое разнообразие отрицательных эмоций дает возможность более успешно осуществлять адаптацию к неблагоприятным обстоятельствам, о характере которых успешно и тонко сигнализируют отрицательные эмоциональные состояния» [4, 2003, с. 103]. Тем не менее в количественном отношении наименования отрицательных эмоций явно преобладают.

Символика цветообозначений тесно связана с системой сложившейся в каждом этническом языке полисемии. Х. Чирнер устанавливает соотношение между происхождением прилагательного и его однозначностью или многозначностью. «К основным цветообозначениям относятся в русском языке красный, желтый, зеленый, голубой, синий, коричневый, черный, белый, серый. Именно они являются полисемантическими, в отличие от прилагательных оранжевый и фиолетовый, которые являются заимствованными и однозначными» [8, с. 7-8].

В данной классификации ценно то, что выделение основных и неосновных цветов поставлено на собственно лингвистическую почву: они разграничиваются по признакам многозначность / однозначность и исконное/ заимствованное, однако включение в этот ряд прилагательного коричневого представляется неточным. Действительно, с середины прошлого века это прилагательное приобрело «политическое» переносное значение «реакционный, фашистский», ср. коричневые сущ. (фашисты), коричневая чума, ср. более позднее, в России 90-х гг., – красно-коричневые (коммуно-фашисты). Однако в данном случае переносное значение не образовалось в русском языке, а было заимствовано из немецкого. По происхождению это производное прилагательное: первоначально коричневый – «цвета корицы». Как известно, потенциально многозначным является любое качественное прилагательное, и прилагательные со значением цвета не являются исключением. Доказательством этого могут служить прилагательные оранжевый и фиолетовый в русском языке, которые Х. Чирнер относит к однозначным. Первое из них в последнее десятилетие приобрело «политическое значение»: оранжевые революции, т.е. революции, искусственно организованные извне. Основанное на случайном признаке, на цвете палаток протестантов, это значение тем не менее стало устойчивым признаком определенных политических акций.

Прилагательное фиолетовый приобрело новое значение через краткую форму: Это мне фиолетово, т.е. безразлично. Трудно сказать, по каким объективным признакам данный цвет задействован для обозначения безразличия, равнодушия в русском языке, тем не менее это употребление закреплено и довольно широко используется в устной речи. Ср. однако пример на индивидуальное восприятие цветов: Серый с фиолетовым – цвет покоя, коричневый – цвет опасности (А.Маринина. Благие намерения).

Новое, негативное в обыденном сознании значение зафиксировано в русском языке у субстантивированного прилагательного голубой: «лицо мужского пола, имеющее нетрадиционную сексуальную ориентацию».

Таким образом, основные прилагательные-цветообозначения не только являются многозначными, но и наблюдается определенная тенденция к росту их многозначности.

Революционная (контрреволюционная) символика в русском языке, безусловно, заимствована из французского языка, причем это произошло гораздо раньше революций XX в. Ср.:

Blanc, Blanche сущ. (пишется с большой буквы)

перен. Вандейский повстанец во время Французской Революции
истор. термин Противник коммунистического движения, после революции
1917 г. в России.

Rouge, Красный (прилаг.) от лат. rubeus

перен. Относящееся к коммунистам или крайне левым. Banlieue rouge.
Красный пригород.

Сущ. Коммунист, революционер. Prise du pouvoir par les rouges захват
власти красными. Уже в конце XIX в. красный в языке русской
интеллигенции означало левый, например: В уезде меня считают красным
(А. П. Чехов).

Однако данный символизм цветов может быть подвергнут
частичному переосмыслению в ИАЯКМ, например, в повести В. Маканина
«Красное и голубое» и в заглавии, и в сквозной теме место белого
занимает голубое (у мальчика, главного персонажа повести, две бабушки –
«красная» крестьянка и «голубая» – интеллигентка «из бывших»).

Наряду с элементами универсальной символики цвета, в целом
символизм цветообозначений узбекского языка отличается ярким
своеобразием. В качестве примера приведем систему значений
прилагательного қора – темное, без света, без просвета (Выборка
примеров проведена по словарю «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» [7]).

1) Пр.: Бу кунги кеч Отабек билан Ҳомиднинг ҳаёт ва мамот
масалаларини ўзининг қора қучоғига олган қоронғи бир тун эди.
А.Қодирий, Ўтган кунлар. (Этот вечер был словно темной ночью, взявшей
в свои черные объятия проблемы жизни или смерти для Отабека и
Хамида).

2) Перен. Нечто плохое, негативное. қора ният Черные намерения. қора
кучлар Темные силы. Пр.: Кечирасиз, мен ширингина базмингизни қора
хабар билан музлатиб қўйдим. Ойбек, О.в. шабадалар. (Простите, я
испортил ваше веселье плохими вестями.).

3) Сущ. Неправильное, плохое, бессовестное дело.

Пр.: Ароқнинг ўзи оқ, қилмиши – қора. «Қанотли сўзлар» (Водка белая,
дела творит черные.); в сочетании с некоторыми словами, усиливает их
значение. Қора совуқ, Сильный холод. Қора қон йиғлатмоқ – заставить
плакать кровавыми слезами. Ичи (дили, кўнгли, юраги) қора – черная
душа, сердце (завистливое).

Пр.: Дили қоранинг қилмиши – қийиқлик. Мақол. (Черная душа
замышляет черные дела.).

Ряд переносных значений прилагательного Қора и фразеологизмов с его участием демонстрируют яркую идиоматичность по отношению к французскому и русскому языкам, например:

Э-э-э, бу ҳам бойлар сингари ўз нафсини ўйлайдиган, ичи қора одам экан-да! Ҳ.Турсунқулов, Ҳаётим қиссаси. (Эх, он тоже как все богатые, завистливый думающий о своей наживе человек);

Юзи, бети қора – виновный, грешный;

Қора курси – скамья подсудимых;

Қора халқ (одам) – темные люди (человек) – необразованные, невоспитанные люди;

Қора чақам йўқ (сарик...) – нет ни копейки.

Примечательно, что в последнем из приведенных фразеологизмов уравнивается символика черного и желтого цветов.

Система значений прилагательного узбекского прилагательного Сарик в целом идиоматична и для французского, и для русского языков, за исключением фразеологизма желтая пресса и нек. др.:

Сомон, зарчува, тилла каби нарсалар тусидаги ранг – желтый, подобный шафрану, золоту.

Сарик ипак – желтый шелк. Оч сарик ранг – светло-желтый цвет. Тўқ сарик – темно-желтый

Пр.: Дарахтлардаги сарик барглар тўкилиб тугалган, ер юзи ўзининг қишки сарик кийимини кийган эди. А.Қодирий Ўтган кунлар. (Деревья уже сбросили желтые листья, земля надела свой зимний желтый наряд.).

Русый цвет (о цвете волос, волос на теле, коже). Сарик соч – русые волосы.

Примеры: Рустам унинг узун мўйлови, кўкиш кўзларини қоплаб олгудай куюқ, сарик қошларини кўрди-ю, юраги шувиллаб, ўзини орқага ташлади. Ў.Ҳошимов, Қалбингга қулоқ сол. (Рустам увидел его длинные усы, его зеленоватые глаза обрамленные густыми, русыми бровями и отпрянул в страхе.)

Сарик ирқ - желтая раса (устаревшее название монголоидной расы)

Сарик матбуот – желтая пресса

Примеры: Иккинчи жиддий қусур шуки кўпчилик қаламқашлар бугун «сарик матбуот» саҳифаларида эълон қилинаётган ўртамиёна машқларни шеър, ҳикоя, дея улардан андоза олиб, ижод қилмоқдалар. Газетадан. (Вторая серьезная ошибка в том, что большинство писак берут за образец издаваемые в желтой прессе посредственные произведения, называя их стихами, рассказами.)

Сариқ сумалак - желтая сосулька, наросты изо льда с глиной.

Сариқ чақа- 1) чақа пул, жуда оз миқдордаги, арзимас пул – деньги, незначительная сумма.

Примеры: Мана, хотиним ётиб қолди, ёстикдан узушга дармони йўқ. Киссамда сариқ чақа йўқки, бечоранинг оғзига ёқар овқат берсам. Ойбек, Танланган асарлар. (Вот жена моя слегла, нет исцеления. А у меня нет ни копейки, чтобы приготовить ей любимую еду.)

Жуда паст, арзимайдиган, эътиборга лойиқ эмас – очень низкое, дешевое, нестоящее внимания

Примеры: Оммани эргаштира олмаган раҳбарнинг қадри – сариқ чақа. И.Раҳим, Ихлос. (Руководителю, который не смог заинтересовать Омана, грош цена.)

Сариқ чақалик (чақага арзимайдиган) - ҳеч нарсага арзимайдиган, бир пулга қиммат, арзимас. – Ничего нестоящий, дешевый, низкий

Сўзни тангадай жаранглатиб сўзлашга устасиз. Аммо ҳозирги сўзингиз пучак, сариқ чақага арзимаиди, - деди Мирҳайдар. Ойбек, Олтин водийдан шабадалар. (Вы мастер говорить звонкие словно монеты фразы. Однако это ваше высказывание не стоит и ломанного гроша.)

Система значений прилагательного оқ«белый» объединяет указания либо на нейтральную семантику, либо на положительную символику, противопоставленную понятию «черный»:

Қор, сут, пахта рангидаги (Цвета снега, молока, ваты). Оқ дока. Белая марля. Оқ қоғоз. Белая бумага. Оқ нон. Белый хлеб. Оқ ит, қора ит – бари бир ит. Мақол. Что белая собака, что черная собака, все равно собака. Пословица.

Оқ тусга мойил, тиниқ (юз, бадан туси ҳақида) Склонный к белизне, ровный (о лице, теле). Оқ бадан. Белое тело. Оқ танли. Белый (как раса) Оқ юзли. Белое лицо (красивое).

Ср.: Оқ сувоқ – беловая побелка

Сущ. Невинный, чистый человек, правильный, правдивый.

Текширамиз: оқни оққа, қорани қорага ажратамиз. С.Аҳмад, Ҳукм. (Проверим: отделим белое к белому, а черное к черному.)

Оқ-қорани таниган (танимоқ) Оқдан қорани ажратмоқ. (Отличать плохое от хорошего, друга от недруга, пользу от вреда).

Положительная символика белого цвета в узбекском языке существенно превосходит соответствующую символику не только французского, но и русского языков, ср.узбекские пожелания: Манглайи оқ бўлсин! Пр.: Толеинг то обад бўлмасин қора, Манглайинг оқ бўлсин,

ярқироқ бўлсин. (Счастье пусть тебе сопутствует, удача пусть будет всегда с тобой, светит тебе всегда.) Оқ йўл! В добрый путь! Пр. Оқ фотиҳа – доброе напутствие, пожелание в дорогу. Однако и использование отрицательной символики данного цвета не исключено: Оқ киймоқ – одевать траур (однако в последнее время траур у узбеков может символизироваться и черным цветом).

Одним из проявлений несовпадения «цветовых картин мира» в разных языках являются национальные цветовые триады [3; 5].

По отношению к узбекскому языку национально-языковую триаду, очевидно, составят зеленый, белый, красный цвета (именно в такой последовательности), однако языковое выражение этого гораздо сложнее, чем в русском или французском языках, так как прилагательное кук без специальной дифференциации может обозначать и зеленый, и синий цвета. При необходимости для обозначения зеленого цвета применяется прилагательное яшил, гораздо менее употребительное, чем кук, и еще реже подчеркивается синий цвет как отдельный (описательными выражениями цвета неба и под.).

Как правило, носители языка подчиняются сложившейся в данном языке символике цвета, например: Теоретически все выглядело необыкновенно гладко, но на практике пришлось проститься с яркой голубизной мечты и согласиться на неброский, но более надежный цвет (А.Маринина. Украденный сон). Примечательно, что определенный цвет, противопоставленный цвету мечты, надежды, тонких положительных эмоций, не имеет наименования, но эта позиция вполне подходит для серого, во многих случаях нейтрального цвета, цвета, который может представлять собой фон для выявления других цветов. Однако гораздо чаще символика этого цвета в русском языке отрицательная: серость и убогость, серая логика, серенькая внешность, даже не синий, а серый чулок (Разг. речь); ср. также Замызганных серых халатов она страсть как не любила (Т.Устинова. Миф об идеальном мужчине) и т.д.

Таким образом, символизм прилагательных-цветообозначений во французском, русском и узбекском языках имеет как изоморфные, так и алломорфные черты; не исключена также индивидуальная символизация цветов.

Проявлениями символики цветообозначений служат переносные значения многозначных прилагательных, фразеологические единицы и национальные цветовые триады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – С. 272-297.
2. Елизаветинская И. В. Французский в цвете // Школа Альянс-Франсез в Санкт-Петербурге. – Спб. 2006
<http://www.af.spb.ru/coursspe/couleurs.htm>
3. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
4. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании. – Бишкек: Кыргызско-российский славянский университет, 2003. – 311 с.
5. Рахимова Г. Национальные триады как отражение языковой картины мира // Роман ва герман тилшунослигининг долзарб муаммолари. Мат-лы научно-практ. конф. – Т.: УзГУМЯ, 2009. – С. 96-98.
6. Рахимова Г. Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира // Филологические науки: вопросы теории и практики №3(7). Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 130-134.
7. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан орти± С°з ва с°з бирикмаси / Таърир иайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов... – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006-2008.
8. Чирнер Х. Семантический объем прилагательных, обозначающих цвета, в русском языке в сопоставлении с немецким.: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, 1973. – 27 с.
9. Шаховской В. И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. – М.: Либерком, 2009. – 124 с.
10. D. Dubois, C. Grinevald. En voir de toutes les couleurs: processus de dénomination des couleurs et constructions cognitives. Langues et cognition. Paris: Lavoisier, 2003.